

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-320-332

УДК 811.512. 1

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ТУРЕЦКОГО ГЛАГОЛА

Такоева Т.А.

Несмотря на давние традиции в изучении видовых характеристик турецкого глагола, грамматическая категория аспектуальности продолжает оставаться дискуссионной и заслуживает самого пристального внимания со стороны лингвистов. В трудах ученых-тюркологов можно встретить самые разные толкования статуса глагольных форм, отягощенных аспектуальным значением.

Цель исследования. *Выявить аспектуальные параметры турецкого глагола в пределах функционально-семантической категории аспектуальности, синтезировав воззрения известных лингвистов-тюркологов и собственные наблюдения.*

Методологической базой исследования стал диалектический принцип единства формы и содержания в его двух наиболее существенных ипостасях: семасиологический и ономасиологический.

Результаты. *В статье делается вывод о том, что функциональная роль морфологической категории вида и лексико-грамматической категории способов действия идентична, т.к. обе упомянутые категории объединяет их аспектуальная ориентированность. Однако при этом не следует забывать и об их существенном различии: облигаторности распространения морфологической категории вида практически на всю парадигму глагольного спряжения и необязательности такого рода требования к лексико-грамматической категории способов действия.*

Область применения результатов. *Результаты проведенного анализа могут найти применение в повседневных дидактических процессах: способствовать совершенствованию методики препода-*

давания соответствующих разделов теоретической и практической грамматики турецкого языка.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория аспектуальности; глагольная парадигма; вид; способ действия.

ASPECTUAL CHARACTERISTICS OF THE TURKISH VERB

Takoeva T.A.

In spite of long traditions in the study of the specific characteristics of the Turkish verb, the grammatical category of aspectuality continues to be debatable and deserves the closest attention of linguists. In the works of turkologists, one can find a variety of interpretations of the status of verb forms, conjugated with aspectual meaning.

*The analysis is **aimed at** revealing the aspectual characteristics of the Turkish verb within the functional-semantic category of aspectuality, synthesizing the views of famous linguists-turkologists and the own observations.*

***The methodological basis of the study** is the dialectical principle of the unity of form and content in its two most essential hypostases: semiological and onomasiological.*

***Results.** The article concludes that the functional role of the morphological category of the aspect and the lexical-grammatical category of the aktionsart are identical, since both of these categories are united by their aspectual orientation. At the same time, one should not forget about their significant difference: the obligatory spread of the morphological category of the aspect to almost the whole paradigm of verbal conjugation and the optional nature of this requirement for the lexical-grammatical category of aktionsart.*

***Practical implications.** The results of the analysis can find application in everyday didactic processes contributing to the improvement of the teaching methods of the relevant sections of the theoretical and practical grammar of the Turkish language.*

***Keywords:** functional-semantic category of aspectuality; verb paradigm; aspect; aktionsart.*

Исследование функционально-семантической категории аспектуальности (ФСК аспектуальности): собственно морфологической категории вида и способов действия как категории лексико-грамматического порядка имеет давнюю традицию в языкознании в целом и в тюркологии, в частности. Определяемая А.В. Бондарко как «внутренняя характеристика протекания и распределения действия во времени» [4, с. 40-41] аспектуальность является, по мнению ряда лингвистов, категорией даже более универсальной чем категория времени и находится с последней в самой тесной взаимосвязи. Исследование любой грамматической категории, ближайшим импликатором которой является одна из форм глагольного спряжения, уже а priori должно учитывать присутствие в ней значения времени [8, с. 195].

Вопрос о ФСК аспектуальности в турецком языке и сегодня остается открытым, а лингвистический статус глагольных форм с аспектуальным значением до конца не установленным. Трудности такого рода исследований в турецком языке отчасти обусловлены агглютинативной установкой последнего: сложно устроенной временной системой глагола, где каждая временная форма несет в себе не только темпоральную, но одновременно с этим и ту или иную аспектуальную нагрузку, а значение корневой морфемы, по справедливому замечанию А.Н. Кононова, всегда нейтрально в отношении вида [9, с. 207]. И лишь парное сравнение глаголов выявляет различия аспектуального порядка. Сравним: *okumak* – читать, *okuur durmak* – почитывать. Во втором из приведенных примеров реализация значения итеративной длительности протекания процесса достигается посредством актуализации сложновербальной формы, состоящей из деепричастия *(y)ip/(y)ip/(y)ip/(y)ip* и вспомогательного глагола *durmak* – стоять, оставаться.

Видовая категория в турецкой языковой системе остается предметом непрекращающихся дискуссий. Ученые-аспектологи дифференцируют *вид* (*aspect*) и *способы действия* (*aktionsart*) [5, с. 36]. Под *видом* понимается категория глагола, обозначающая характер протекания действия/процесса в субъективном восприятии го-

ворящего; *акционал* же предлагает объективную характеристику процесса, выводя на первый план такие аспектуальные смыслы как *длительность, прерывистость, быстрота, внезапность* и т.д. В системе турецкого глагола акционал образует один из ранговых классов и к системе функционала отношения не имеет [11, с. 51]. *Вид и способы глагольного действия* (СД) в совокупности составляют содержательную сторону категории *аспектуальности*. Однако эти две аспектуальные парадигмы характеризуют современный турецкий глагол под разным углом зрения. И непреложным становится то обстоятельство, что понятие *аспектуальность* является более широким, чем понятие *вид*. Носителями видовых и акционсартовых значений являются также сложноевербальные образования (перифрастические и аналитические), которые связывают общие функционально-семантические взаимосвязи [13; 14; 15].

Проведем небольшой экскурс в историю вопроса и попытаемся проанализировать воззрения ученых на затрагиваемую нами проблематику. Дело в том, что достаточно длительное время существование грамматической категории *вида* в качестве самостоятельной морфологической категории в турецком языке не признавалось. Одни исследователи утверждали, что в той разветвленной схеме, в которой она актуализируется в славянских языковых системах, грамматической категории *вида* в тюркских языках нет. Сведения об этом находим в трудах Н.А. Баскакова, Д.М. Насилова, А.Н. Кононова, Б.А. Серебренникова и других исследователей. Так, в частности, Н.А. Баскаков любые действия глагола определяет как *видовые*. Ученый относит *вид* к словообразованию лексического порядка. По мнению исследователя, «вид указывает на характер процесса действия без отношения к нему действующего лица и является объективной характеристикой действия» [1, с. 306–308, 352–386]. Другие лингвисты, признавая существование *вида* в тюркских лингвокультурах, акцентируют внимание на особенностях словоформ с аспектуальным значением, а также на несоответствии этих последних формам совершенного/несовершенного *вида* глагола в славянских языках [3; 9 и др.]. В.А. Богородицкий, например, счи-

тает, что в тюркских языках глагольные категории, такие как залог, вид, наклонение, время, число и лицо в значительной мере аналогичны русским, но эксплицируются эти последние несколько иначе, в соответствии с агглютинативно-постпозиционным характером этих языков. А именно – суффиксами и отчасти вспомогательными глаголами [3, с. 170–171].

А.Н. Кононов отмечает, что категория вида включает такие глагольные образования, которые содержат в себе лексические, морфологические и синтаксические характеристики процесса/действия по признакам его протекания: *повторяемости, длительности, многократности, мгновенности, динамичности, направленности* и т.д. или же по таким особенностям как *результативность, завершенность/незавершенность, предположительность, намерение* и т.д. [9, с. 206–208]. То есть подобно оппозиции совершенности/несовершенности, зафиксированной в славянских языковых системах, турецкий глагол создает свои, подчас более распространенные аспектуальные корреляции.

Б.А. Серебренников предлагает свою классификацию *видовых образований*: 1) собственно вида – речь идет о таких образованиях, показатели которых имеют тотальное распространение; 2) видовые классы – «своего рода осколочные виды», которые «явно тяготеют к образованиям лексического порядка». От *видов* следует отличать так называемое видовое значение, которое не связано с обязательным наличием в языке грамматического вида. В турецкой лингвокультуре, по мнению исследователя, нет «собственно видов» и, как следствие этого, отсутствует деление глаголов по аспектологическим классам. Сочетание деепричастий со вспомогательными глаголами хотя и обладают видовыми значениями, но не образуют категории грамматического порядка, поскольку завершенность или длительность действия в них всегда осложнена дополнительным смысловым оттенком [17, с. 24–30].

Обращает на себя внимание и то, что среди ученых-аспектологов, признающих существование *вида* как отдельной грамматической категории в турецкой языковой системе, нет единого истолкования

видовременной организации, видовых оппозиций, статуса лексико-грамматических категорий. Также нет и единого понимания способов действия, категории предельности/непредельности как основополагающей при определении статуса глагольных образований, роли аспектологического контекста. Бытует мнение, что ключевой категорией турецкого глагола является *вид*, который не смешивается со способами действия, а объектом лингвистических разысканий в турецкой языковой культуре становятся сегменты, которые присоединяются к глагольной основе, образуя, таким образом, финитную глагольную словоформу [18, S. 19]. П.И. Кузнецов, в свою очередь, подразделяет все возможные схемы аспектуальных образований на виды, подвиды, видовые подсистемы (в том числе видовые разряды, входящие в эти подсистемы), видовые классы и видовые аспекты, где термин «видовой» употребляется в значении акционсарт [10, с. 71].

Существует убеждение, согласно которому глагольные лексемы, сочетающиеся с всевозможными вспомогательными глаголами, следует скорее обозначать как видовые классы, но не виды. Такого рода образования имеют в своей семантике аспектуальное значение, но не формируют категории *вида* [17, с. 23–26]. Безусловно, морфологическая категория вида и лексико-грамматическая категория способов действия очень близки по своему значению. Различие между ними может быть сведено к облигаторности распространения первой грамматической категории практически на всю глагольную систему и отсутствию такого требования для второй. В турецкой лингвосистеме следует дифференцировать лексический, морфологический (лексико-морфологический) и синтаксический способы выражения аспектуальных значений. В первом случае основа турецкого глагола, нейтральная в изолированном употреблении, в парном соотношении приобретает видовое значение *demek-говорить/сказать*, во втором – в качестве аспектуальных коррелятов выступают глагольные формы, обслуживающие одну временную плоскость. Например, настоящее время: *yaziyorum* – я пишу (в момент речи), *yazarım* – я пишу (вообще), *yazmaktayım* – я пишу (длительно). В последнем приведенном примере действие представлено как дли-

тельное, но протекает оно в плоскости настоящего времени: синтезированием деепричастий на $-(y)a/-(y)ip$ и модифицирующего глагола (*vermek-быстрота, стремительность, durmak-длительность, yazmak-предположительность* и т.д.) [9, с. 207–212]. В тюркских языках основой аспектуальности выступают специализированные формы способов действия, представленные моделью: деепричастие + глагол аспектуализатор, различные видовременные формы, связанные с качественной и количественной аспектуальностью [15].

Большинство исследователей представляют категорию аспектуальности в турецком языке как совокупность так называемых перифрастических и аналитических глагольных форм, имеющих как акционсартовые значения, формирующие *способы действия*, так и *видовые*, закрепленные за теми или иными глагольными формами, в пределах которых носители данного конкретного языка получают возможность представлять действие при осуществлении акта коммуникации [12]. В рамках перифрастических форм выделяют начинательный вид, завершительный вид, предположительный вид, длительный вид, результативный вид, вид намерения [9]. При этом аспектуальность как самостоятельная глагольная словоизменительная категория вполне оправданно обозначает одновременно как *видовые*, так и *акциональные (акционсартовые)* значения, а также совокупность сложно вербальных форм. И лишь две сложновербальные словоформы могут быть истолкованы как носители видовых значений. Речь идет о 1) - *miş ol/-miş bulun* и 2) - *makta ol/-maktâ bulun- u (i)yor ol /-(i)yor bulun*. [7, с. 145–151].

Первая из приведенных языковых моделей приобретает значение послепредельного (посттерминального) вида, она весьма близка по своему значению к совершенному виду русского глагола. Примеров, подтверждающих высказанное суждение, достаточно много. Приведем лишь некоторые из них:

Akrabalarım ve köylülerim benim hayatta ve rehin alınmış olduğumu öğrenirlerse beni kurtarmak için hiç bir şey esirgemezler [2, с. 60] – *Мои родственники и односельчане если узнают, что я жив и взят в плен, ничего не пожалеют, чтобы меня спасти.*

Nartlar, sürülerinin eksiksiz ve iyi beslenmiş olarak geri döndüğünü görünce çok mutlu oldular ve Soslan onların gözündə daha da büyüdü [2, с. 90] – *Нарты были очень рады видеть, что их стада вернулись целы, хорошо откормлены, Сослан еще более вырос в их глазах.*

Вторая лингвистическая комбинация имеет внутрипредельное (интратерминальное) описывающее действие, называемое исходной основой как процесс, осуществляемый безотносительно к начальной или конечной фазе своего предела. Речь идет о дуративном, курсивном, прогрессивном и других значениях, например:

Soslan nehir boyunca aşağılara doğru inmeye devam etti ve balık tutmakta olan bir başka balıkçının yanına geldi [2, с. 72] – *Отправился Сослан дальше, вниз по реке. Идет и видит: сидит на берегу реки рыбац, удилщицем ему служит дерево еще большей величины, а на крючке висит туша коровы* [1, с. 124] (досл. *Сослан продолжал спускаться вниз по реке и подошел к другому рыбаку, который ловил рыбу*).

Gerçekten, dağların ardında batmakta olan güneş orada biraz daha kaldı [2, с. 53] – *И по молитве ее на высоких горных снегах долго горело, не погасая, холодное, тусклое солнце мертвых* [1, с. 89] – (досл. *Действительно, солнце, заходящее за горы, задержалось на какое-то время*).

К перифрастическим формам с акционсартовым фазовым значением относим также:

-(a)r ol- начало постоянно совершаемого или длительного действия (инцептивное, инхотативное, ингрессивное, начинательное, дуративно-инцептивное значение)

-maz ol- прекращение длительно совершавшегося действия.

-(y)a dur- форму выражающую просьбу продолжать действовать, пока говорящий будет отвлечен другим действием

-(y)ip dur- форму длительности или многократной повторяемости действия,

-(y)a/-(y)ip gel – форму диахронической протяженности действия из прошлого в настоящее. А также некоторые другие словоформы, которые, безусловно, заслуживают самого пристального внимания и могут стать предметом дальнейшего лингвистического анализа.

В заключение отметим, что аспектуальные значения в турецкой лингвосистеме, агглютинативной по своему типологическому устройству, представлены аналитическими, перифрастическими и редуцированными языковыми фигурами. *Аспектуальные характеристики* получают синтаксическое выражение в виде аналитических конструкций или же морфологическое воплощение, когда речь заходит о передаче видовых значений отдельными временными словоформами. Бесспорно, что функциональная значимость морфологической категории *вида* и лексико-грамматической категории *способов действия* идентична, т.к. обе упомянутые парадигмы объединяет их аспектуальная направленность. Однако не следует забывать и о существенном различии между этими последними. А именно: об облигаторности распространения грамматической категории *вида* практически на всю систему глагольного спряжения и необязательности такого рода требования, когда речь заходит о лексико-грамматической категории *способов действия*.

Источники языкового материала

1. Сказания о нартах. Осетинский эпос. Изд. переработанное и дополненное. / Пер. с осет. Ю. Либединского. М.: Советская Россия, 1978. 512 с.
2. Nartlar Oset Halk Destanlari. Translated from French translation by George Dumezil into Turkish by Hayri Ata. Ankara: OwnPub, 2014. 254 p.

Список литературы

1. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 542 с
2. Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М.: Наука, 1979. 273 с.
3. Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с древними тюркскими языками. Казань: Татгосиздат, 1953. 220 с.
4. Бондарко А.В. Содержание и типы аспектуальных отношений // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 40–45.

5. Вопросы глагольного вида // Под редакцией Маслова Ю.С. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 438 с.
6. Гузев В.Г. О категории аспектуальности (на материале староосманско-тюркского языка) // Советская тюркология, 1988. С. 3–12.
7. Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка // Под ред. А.С. Аврутиной, Н.Н. Телицина. СПб: Издательство С.-Петербург. гос. ун-та, 2015. 320 с.
8. Калабекова Л.Т. Ведущая роль категории времени в функциональной значимости парадигмальных форм глагольного спряжения (во французском, русском и осетинском языках) // Вестник Адыгейского госуниверситета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 1. С. 192–196.
9. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 569 с.
10. Кузнецов П.И. Аспект и акционал в турецком языке (к выходу в свет монографии Л. Юхансона) // Советская тюркология, 1975. № 3. С. 68–82.
11. Кузнецов П.И. Система функциональных форм глагола в современном турецком языке: дисс. ... ст. д-ра филол. н. Москва, 1982. 375 с.
12. Маслов Ю.С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Вопросы глагольного вида. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 38–41.
13. Михайлов М.С. Исследования по грамматике турецкого языка. Перифрастические формы турецкого глагола. М.: Наука, 1965. 132 с.
14. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1965. 275 с.
15. Насилов Д.М. Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. Л.: Наука, 1989. 208 с.
16. Насилов Д.М. Еще раз о виде в тюркских языках (к истории вопроса) // *Turcologica*. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова / Отв. ред.: С.Г. Кляшторный, Ю.А. Петросян, Э.Р. Тенишев. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976. С. 111–120.
17. Серебренников Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Наука, 1960. 290 с.

18. Johanson L. Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems. Uppsala, 1971. 333 S.

Language material sources

1. *Skazaniya o Nartah. Osetinskij epos* [Nartae tales. Ossetian epic.] Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1978. 512 p.
2. *Nartlar Oset Halk Destanlari* [Nartae Tales. Ossetian epic]. Ankara: OwnPub, 2014. 254 p.

References

1. Baskakov N.A. *Karakalpakskij yazyk. Fonetika i morfologiya* [The Karakalpak language. Phonetics and morphology.] Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1952. 542 p.
2. Baskakov N.A. *Istoriko-tipologicheskaya morfologiya tyurkskih yazykov* [Historical and typological morphology of the Turkic languages]. Moscow: Nauka, 1979. 273 p.
3. Bogorodickij V.A. *Vvedenie v tatarskoe yazykoznanie v svyazi s drevnimi tyurkskimi yazykami* [An introduction to Tatar linguistics in connection with the ancient Turkic languages]. Kazan': Tatgosizdat, 1953. 220 p.
4. Bondarko A.V. *Soderzhanie i tipy aspektual'nyh otnoshenij* [Content and types of aspectual relations]. *Teoriya funkcional'noj grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis*. Leningrad: Nauka, 1987: 40–45.
5. *Voprosy glagol'nogo vida* [Problems of verbal aspect]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1962. 438 p.
6. Guzev V.G. *O kategorii aspektual'nosti (na materiale staroosmansko-tyurkskogo yazyka)* [On the category of aspectuality (based on the old Ottoman-Turkic language)]. *Sovetskaya tyurkologiya*, 1988: 3–12.
7. Guzev V.G. *Teoreticheskaya grammatika tureckogo yazyka* [Theoretical grammar of the Turkish language.]. St. Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterb. gos. un-ta, 2015. 320 p.
8. Kalabekova L.T. *Vedushchaya rol' kategorii vremeni v funkcional'noj znachimosti paradigmal'nyh form glagol'nogo spryazheniya (vo francuzskom, russkom i osetinskom yazykah)* [The leading role of the cat-

- egory of tense in the functional significance of the paradigm forms of verb conjugation (in French, Russian and Ossetian]. *Vestnik Adygejskogo gos-universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. 2012. No 1: 192–196.
9. Kononov A.N. *Grammatika sovremennogo tureckogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Modern Turkish literary language]. Moscow – Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1956. 569 p.
 10. Kuznecov P.I. Aspekt i akcional v tureckom yazyke (k vyhodu v svet monografii L. Yuhansona) [Aspect and action in Turkish]. *Sovetskaya tyurkologiya*, 1975. No 3: 68–82.
 11. Kuznecov P.I. *Sistema funkcional'nyh form glagola v sovremennom tureckom yazyke* [The system of functional verb forms in modern Turkish]: diss. ... st. d-ra filol. n. Moscow, 1982. 375 p.
 12. Maslov Yr.S. Voprosy glagol'nogo vida v sovremennom zarubezhnom yazykoznanii [Problems of verbal aspect in modern foreign linguistics]. *Voprosy glagol'nogo vida*. Moscow, 1962: 38–41.
 13. Mihajlov M.S. *Issledovaniya po grammatike tureckogo yazyka. Perifrasticheskie formy tureckogo glagola* [Studies on the grammar of the Turkish language. Periphrastic forms of the Turkish verb]. Moscow: Nauka, 1965. 132 p.
 14. Yuldashev A.A. *Analiticheskie formy glagola v tyurkskih yazykah* [Analytical verb forms in the Turkic languages.] Moscow: Nauka, 1965. 275 p.
 15. Nasilov D.M. *Problemy tyurkskoj aspektologii. Akcional'nost'* [Problems of Turkic Aspectology. Actionality]. Leningrad: Nauka, 1989. 208 p.
 16. Nasilov D.M. Eshche raz o vide v tyurkskih yazykah (k istorii voprosa) [Once again about the aspect in the Turkic languages (to the history of the issue)]. *Turcologica*. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1976: 111–120.
 17. Serebrennikov B.A. *Kategoriya vremeni i vida v finno-ugorskih yazykah permskoj i volzhskoj grupp* [The category of time and aspect in the Finno-Ugric languages of the Permian and Volga groups]. Moscow: Nauka, 1960. 290 p.
 18. Johanson L. Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems. Uppsala, 1971. 333 S.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ**Такоева Тамара Астановна**, ассистент

*Северо-Осетинский государственный университет им.
К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, Республика Северная
Осетия-Алания, 362025, Российская Федерация
takoevat@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR**Takoeva Tamara Astanovna**, assistant

*North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
44-46, Vatutin st., Vladikavkaz, Republic North Ossetia-Alania,
362025, Russian Federation
takoevat@yandex.ru
SPIN-6597-9976*